Г. М. ПРОХОРОВ

«Посторонние статьи» (в том числе Послание мудрого Феофана) в Погодинском № 27 Апостоле и «Слово о житьи и о преставлении» Дмитрия Донского

Погодинский № 27 Апостол

В пергаменной — судя по всему, XIV или начала XV в. — рукописи находится Послание, совпадающее, как оказалось, с частью «Слова о житьи и о преставлении великого князя Димитрия Ивановича, царя Рускаго». Что же это за рукопись и каково соотношение этого Послания со «Словом» о Дмитрии Донском?

Рукопись эта — Погодинский № 27 Апостол,[1] хранящийся в РНБ в Санкт-Петербурге. Наряду с текстом Апостола в ней содержится несколько «посторонних», по выражению Г. А. Воскресенского, статей.[2] За исключением последней, молитвы, это послания. На первое из них (л. 13—13 об.) обратил мое внимание А. А. Алексеев как на совпадающее с Письмом, которое я увидел и выделил в «Слове» о Дмитрии Донском.[3]

Погодинский Апостол принадлежит — это установил Г. А. Воскресенский — к группе списков новозаветных текстов, по редакции и почеркам близких к Чудовской рукописи Нового Завета, связанной с именем митрополита всея Руси Алексея (1354—1378). Это: хранившееся до революции в ризнице Троице-Сергиевой лавры «Четвероевангелие XIV в. преп. Никона, Радонежского чудотворца» (ныне: РГБ, ф. 304, III, № 6/М. 8652) и «Четвероевангелие XIV в. Императорской Публичной библиотеки в собрании гр. Ф. И. Толстова»[4] (ныне: РНБ, Q.п.I.1). В настоящее время эта группа расширена тремя списками Апокалипсиса, сделанными с Чудовского

---

[1] См. о нем: Воскресенский Г. А. Погодинский № 27 Апостол и Чудовская, усвояемая святителю Алексию, рукопись Нового Завета // *Статьи по славяноведению* / Под ред. В. И. Ламанского. СПб., 1904. Вып. 1. С. 1—29; Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953. С. 38.

[2] Воскресенский Г. А. Погодинский № 27 Апостол... С. 5.

[3] См.: Прохоров Г. М. 1) Непонятый текст и Письмо к заказчику в «Слове о житьи и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 229—247; 2) *Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков*. Л., 1987. С. 88—98.

[4] Воскресенский Г. А. Погодинский № 27 Апостол... С. 1.

© Г. М. Прохоров, 1996.

Нового Завета (РГБ, ф. 304, № 710; ф. 310, № 1; РНБ, Q.п.I.6),[5] и одним списком Евангелия (РНБ, собр. Погодина, № 21, — недавняя находка Т. В. Ткачевой).

Погодинский № 27 Апостол — цитирую опять Г. А. Воскресенского — «писан на 122 листах в 8-ку, на довольно тонком и гладком пергамине, в два столбца по 37 строк (до 110-го листа, а отселе до конца рукописи по 30—31 строк) мелким и четким полууставом XIV в. ... Правописание русское. Переплет старый кожаный, застежки оторваны. Формат близко подходит к Чудовской и к двум вышеуказанным спискам Четвероевангелий. ... Полууставной почерк и орнаменты (простые писанные киноварью заставки и заглавные буквы) тоже близко сходны во всех четырех рукописях и предполагают одну и ту же школу. Только в Погодинском Апостоле меньше заставок, чем в Чудовской рукописи».[6]

Своим текстом этот Апостол являет собой, считает Г. А. Воскресенский, «точную копию с Чудовской рукописи Нового Завета», причем «список весьма исправный»: он «восполняет пропуски, исправляет ошибки и указывает чтения Чудовского списка в местах загрязненных, выцветших, вообще не ясных и неразборчивых, каковых здесь не мало».[7] «Что Чудовская рукопись послужила оригиналом для Погодинского Апостола, а не наоборот, доказательством этого служит то, что Чудовский список по почерку и правописанию древнее Погодинского. Чудовская рукопись написана в половине XIV в. ... Дело представляется так, что изготовленный в Константинополе самим ли святителем Алексием, или по его поручению кем-либо из русских, живших тогда в Константинополе в Студийском монастыре и занимавшихся списыванием славянских книг Священного Писания и богослужебных для отсыла их на Русь, ныне Чудовский список Нового Завета был принесен в Москву и здесь сделано было с него несколько более или менее точных копий...».[8]

По устно сообщенному мне мнению А. А. Алексеева, Погодинский Апостол, являясь копией Чудовского Нового Завета, носит при этом следы дополнительной сверки текста с греческим оригиналом. Во всяком случае, принадлежность этого Апостола к группе рукописей, текстом, почерком и оформлением близких к знаменитому, традицией связываемому с именем митрополита Алексея, ныне исчезнувшему (сохранившемуся только в фототипическом издании)[9] Чудовскому Новому Завету, как и то, что он написан позже него, вне сомнений. Эти рукописные книги происходят, по-видимому, из библиотек московской церковно-правительственной и монастырской околомосковской элиты. В частности, в XV в. «Погодинский № 27 Апостол принадлежал, — пишет Г. А. Воскресенский, — митрополиту Филиппу, как видно из древней записи на 1 листе: „Аплъ в че с т митрополичь,

---

[5] См.: Алексеев А. А. 1) Кирилло-Мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы: (Переводы св. Писания в славянской письменности) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1988. С. 145, примеч. 59; 2) Рецензия на немецкий репринт издания Чудовского Нового Завета // Вопросы языкознания. М., 1990. № 5. С. 144.

[6] Воскресенский Г. А. Погодинский № 27 Апостол... С. 1—2.

[7] Там же. С. 6, 29.

[8] Там же. С. 29.

[9] Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси. Фототипическое издание Леонтия, митрополита Московского. М., 1892; немецкое воспроизведение этого издания: Neues Testament des Čudov-Klosters. Eine Arbeit des Bischofs Aleksij, des Mitropoliten von Moskau und ganz Russland. Phototypische Ausgabe von Leontij Mitropolit von Moskau. Moscau, 1892, mit einer Einleitung herausgegeben von Werner Lehfeldt. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1989.

Филипо[в]". Это, надобно полагать, — считает он, — митрополит Филипп I (1464—1473), тот, который предпринял постройку нового Успенского собора в Москве...».[10]

«Посторонние статьи»

Г. А. Воскресенский отметил наличие в Погодинском № 27 Апостоле «посторонних статей»: «На лл. 13—14 почерком более крупным и менее тщательным написаны две посторонние статьи. Первая под заглавием „Послание мужа мудра къ преподобну мужю, именем Феофан, а емуже посла имянуется Прохорос" ... Вторая статья — поучение отца духовного к сыну духовному об обязанностях в отношении к церкви и друг к другу».[11] О первой «посторонней статье», Послании Феофана Прохоросу, мы будем говорить подробно после того, как познакомимся с остальными.

«Вторая статья» (л. 13 об.—14) написана более бледными, нежели предыдущая, чернилами, другим, но похожим почерком (см. рис. 2) и начинается словами: «Всечестнѣйший о Свѧтемь Дусѣ взлюбленый господине имярек! Многогрѣшный имярек челом бьет: благодать буди и миръ от Бога твоей святыни, — наше убо и смиренье и пращает и волю дает твоему боголюбью». Названия в рукописи она не имеет и представляет собой, на мой взгляд, два слитых друг с другом послания. В первом автор учит своего светского духовного сына правильно веровать, почитать церковь и почтительно относиться к нему, своему духовному отцу: «Цѣло имѣй мудрованье православным догматом и почитай матере твоя, Церковь, яже о Святѣмь Дусѣ тя вздои, Іс*ус Христо*мь о Бозѣ мною на главу твою вѣнець взложи. Аще бо плотьския твоя родителя долженъ еси стыдѣтися и почитати, и множае паче еже о Дусѣ Божьи тя родивших предпочитати: они убо временный животъ чадом дают, сия же вѣчный животъ пороженья ради ходатайствуют. Почти убо Церковь, яко да почтенъ будеши от Бога».[12] При этом автор отмечает как уже проявившееся почтение к священникам со стороны адресата: «Священники почтилъ е *(!)* еси, отче пречестнѣйший, господин имярек, яко отца духовныя и ходатая нам к Богу», — и объясняет: «Честь бо священьничьская на Бога всходить».

Хотя адресат и называется здесь «отче пречестнѣйший», он навряд ли священник или просто-священник, поскольку говорится о его отношениях к священникам. Это должен быть человек важный, начальствующий («Державною ти рукою въсхити мя от врага душегубнаго...», «Повѣж нам, ... гдѣ пасеши овца своя...»), имеющий слуг, в обществе почитаемый («Якоже бо тебе ради твоя слуги почитати праведно есть...»), влиятельный, оказавшийся способным «своими молитвами» повлиять на архимандрита, от которого автор как монах зависел («...твоими святыми молитвами архимандрит, господинъ имярек, добръ до нас вельми»). Явно, духовным сыном автора, адресатом послания, был какой-то большой начальник, может быть, князь, если не митрополит.

Послание это кажется неоконченным, обрывающимся на словах «Просвѣти нас, напои нас, доведи нас. Елма убо»: непосредственно тут же, следом, без какого-либо выделения, как продолжение фразы читаем, как

---

[10] Воскресенский Г. А. Погодинский № 27 Апостол... С. 2.
[11] Там же. С. 5.
[12] Полностью текст этого послания см. в Приложении 2.

мне кажется, начало второго (а считая по порядку в рукописи, третьего) послания: «Всечестнѣйшему господину и отцю моему имярек. О Святемь Дусѣ возлюбльный киръ имярек! Наше убо смиренье пращает и волю дает твоему боголюбью: благодать буди и миръ от Бога твоей святыни» (текст местами читается с трудом; см. рис. 3).[13] Эти слова, если их расставить чуть иначе, почти полностью совпадут с началом предыдущего послания, второй в рукописи «посторонней статьи» (ср: «Всечестнѣйший о Святемь Дусѣ взлюбленый господине имярек! Многогрѣшный имярек челом бьет: благодать буди и миръ от Бога твоей святыни, — наше убо и смиренье и пращает и волю дает твоему боголюбью»).

Похоже, что автор второго из этих двух слитых посланий тоже духовный отец адресата, ибо и он («наше убо смиренье») «пращает и волю дает» адресату («твоему боголюбью»). Сходство выражений побуждает думать, что во «второй статье» слиты послания одного духовного отца двум духовным детям.

Вторым духовным сыном (получателем третьего, по нашему счету, послания) должно быть тоже очень влиятельное лицо: «Ты бо обладаеши всѣми», — пишет ему автор. Но на этот раз это монах, поскольку он называется в послании «преподобством» («благодать Божия и миръ да будет с твоим преподобьством»). Монах, который обладает «всеми», — это, кажется, должен быть глава церкви или замещающее его лицо.

Оканчивается послание словами: «Емуже благодать, Сдѣявшему вся и Дѣющему в наше спасенье, в вѣки аминь».

Кроме того, в рукописи (л. 109 об.—110) помещается еще одно послание (см. рис. 4). У него, как и у второго и третьего, нет заглавия. За ним (л. 110) следует молитва. Г. А. Воскресенский и их отметил как «две посторонние статьи (написаны более крупным почерком)».[14] Четвертое «постороннее» послание в Погодинском Апостоле начинается словами: «Не незнаема суть твоей священѣй души, о честная мнѣ главо, многовжелѣнный и иже о Святѣмь Дусѣ взлюбленне отцемь отче киръ Иоан (*или:* Иона, — *«н» выносное. — Г. П.*), или ино имя рещи, священный, иже в Святемь Еуаггельи убогыя вдовы 2 цятѣ...».[15]

Любопытно, что написав — видимо, «с разгона», не собираясь этого делать, — имя получателя (Иоанн или Иона), автор, кажется, спохватился, но решил не стирать, а «деконкретизировать» его, сделать не обязательным, и добавил: «или ино имя рещи».

Здесь речь идет о выполнении какого-то повеления адресата («Принашаю ти плоды от твоея росы рожены. Приими убо, приими от нас весело твоихъ повелѣний орудье»), причем автор настоятельно просит того поделиться с ним благами, имеющими отношение к «телесным требованиям» («не сам един благыхъ въспремля имѣй, но и недостатком нашим отчасти въспоминатель буди»). Оканчивается это послание словами: «...да исъправится тобою желаемое и нами на волю Божию. Спасайся о Господи». В данном случае автор писал, как кажется, к равному ему по социальному положению человеку.

Последняя «посторонняя статья» — небольшая молитва, которую Г. А. Воскресенский счел незавершенной. У молитвы две части. Первая начинается обращением к Святой Троице: «Святая Троице единосущная, и неодержимая деръжаво, и нераздѣлимое царство, иже всѣх благыхъ виновна!». Далее —

---

[13] Полностью текст этого послания см. в Приложении 3.
[14] Воскресенский Г. А. Погодинский № 27 Апостол... С. 6.
[15] Полностью текст этого послания см. в Приложении 4.

просьба о благоволении, отмытии скверны и просвещении смысла, относящаяся — это четко выражено — к настоящему моменту в жизни молящегося: «Благоволи в настоящий сий час и о мнѣ грѣшнѣмь, и вся отмый скверны, и просвѣти ми смыслъ...» (см. рис. 5).[16] Насколько я могу судить, эта молитва не общепринята в церкви, и потому представляется мне индивидуальной, собственной авторской. Далее, за словами «...яко да вьсегда вспѣваю Тя, и славословя, и глаголя» указано начало литургического песнопения: «Един свять, един...». И это конец, но тут дописывать нужды не было (как ирмосы в начале песен канонов), потому что ясно, что должно следовать: «...Господь, Исус Христос, в славу Бога-Отца, аминь». Так что молитву можно считать завершенной.

Вернемся теперь к первому посланию — некоего мудрого Феофана к некоему преподобному Прохоросу, потому что именно оно совпадает с частью текста «Слова о житьи и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго», и это придает ему право на наше особое внимание.

Послание мудрого Феофана преподобному Прохоросу

Это Послание имеет киноварный заголовок: «Посланье мужа мудра къ преподобну мужю, — именем Феофанъ, а емуже посла, имянуется Прохорос». Оно написано иной, нежели текст Апостола, рукой (см. рис. 1), но, очевидно, вскоре после создания рукописи. Кажется, писец Послания или его «издатель», редактор, зная имена и автора, и адресата, сначала не был намерен их указывать и, стремясь к отвлеченности, назвал их описательно: одного — «мужем мудрым», а другого — «преподобным мужем», но потом почему-то передумал (опять неуверенность в выборе между отвлеченностью и конкретностью!) и добавил более определенные сведения: «именем Феофанъ, а емуже посла, имянуется Прохорос».[17]

«Слово о житьи...», с частью текста которого это послание совпадает, существует в составе общерусских сводов, Новгородской 4 и Софийской 1 летописей, а также, причем в древнейшем виде, в списке второй половины XV в., в рукописи РНБ, F. IV. 603 — во второй из двух подборок летописного материала, при мысленном сложении составляющих так называемую (не существующую в природе как целое) «Новгородскую Карамзинскую летопись» (соответствующий Посланию текст находится в ней на л. 390 об.—391).

Присутствие в составе «Слова о житьи...» самостоятельной инородной части, Письма к «преподобству», было замечено мною намного раньше, нежели в поле моего зрения попал Погодинский № 27 Апостол.[18] Окончание Послания в Погодинском Апостоле («И сице о Господѣ здравьствуй») совпало с концом выделенного мною Письма в «Слове о житьи...» («Сице о Господѣ здравствуй»). Что же касается начала Письма, то я определил его иначе, нежели оно начинается в Апостоле. По моему убеждению, первые слова Письма суть: «Преподобство твое испроси...» (в Погодинском Апостоле они находятся в середине Послания).

Причин для этого убеждения две. Во-первых, предшествующее этим словам слово «понеже» хорошо связывается и связывает предшествующий

[16] Полностью текст молитвы см. в Приложении 5.
[17] Полный текст этого послания см. в Приложении 1.
[18] См. примеч. 3.

выделяемому Письму период: «...Мнози бо философи быша в миру, но две главѣ быша философомь: Платон и Пифагоръ. Овъ благословесно извѣствова, овъ же благоулучнѣ умлъче, понеже...», — с темным периодом, за Письмом следующим: «Богъ двойства не имѣет, душамъ имѣет тройство ни едино...». Будучи при изъятии Письма воссоединен, текст обретает смысл: причина, по которой Пифагор молчал, объясняется запредельностью Бога по отношению к человеку, каковая демонстрируется апофатически — путем отрицания ряда человеческих свойств как не принадлежащих Богу, причем свойства эти обозначаются в пифагорейском стиле — с помощью чисел, связанных с эллинско-христианской антропологией (их смысл становится понятен, в частности, благодаря «Диоптре» Филиппа Пустынника).[19]

Вторая причина, почему именно так я определил начало Письма, — это его композиция. В таком случае оно построено симметрично по темам: начинаясь известием о просьбе «преподобства» к автору о «слове», оно заканчивается (перед прощальным пожеланием «Сице о Господѣ здравствуй») словами о посильном выполнении этой просьбы. Вторая от начала тема — суетность «нашей жизни», вторая от конца — «строптивость» «жизни моей». Центральной оказывается тема любви, и здесь говорится как о любви своей, авторской, так и о любви божественной — о Боге как о любви, причем слова о *своей* любви («разсудом правымъ правое» и «не заимная», но «истинная» любовь автора к корреспонденту) обрамляют евангельские слова о Боге как о любви — цитату из 1 Послания Иоанна (4, 8) и пересказ «Господских слов» из Евангелий от Матфея (5, 46) и от Луки (6, 32, 34).[20]

Я до сих пор думаю, что правильно определил начало Письма.

Третьим аргументом в пользу этого является следующее. Студентка Петрозаводского университета Е. Н. Кутькова, окончившая университет в 1992 г., в своей дипломной работе «Литературная цитата и литературные источники „Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского“» установила, что автор «Слова о житьи...» помимо уже известных науке источников (главные из них: Священное Писание, Летописная Повесть о Куликовской битве, Житие Александра Невского, паремийное чтение о Борисе и Глебе, Похвала роду рязанских князей, плач Ингваря Ингоревича из Повести о разорении Рязани Батыем и Духовная грамота Дмитрия Донского) пользовался, сочиняя это «Слово», также текстом надгробной гомилии Григория Богослова, Назианзина, посвященной Василию Великому. Иногда автор делал дословные заимствования оттуда, иногда тематические, а в некоторых случаях, заимствуя лишь те или иные элементы источника, поворачивал смысл речи по-своему.

В числе прочих оказали на него влияние и слова Григория Назианзина о скромности и нетребовательности Василия Великого, где Григорий, воспользовавшись евангельской (из Евангелия от Матфея, 6, 26—31) притчей о птицах, цветах и траве, сказал о цветах и птицах: «„нъ на цвѣтъця взирати и на птиця, имже бес хытрости доброта (т. е. их красота не плод человеческого искусства. — *Е. К.*), и уготовано брашьно, по великому пошътению [И. И. Срезневский, — пишет Е. Н. Кутькова, — предполагает здесь ошибку и в соответствии с греческим оригиналом восстанавливает правильное (?) написание «поуштению» (поучению, наставлению. — *Е. К.*)] моего Христа...“. Фрагмент „Слова“, в котором упоминается та же притча, не содержит текстуальных соответствий приведенному отрывку: „Инъ (один

---

[19] См. об этом: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. С. 106—110.

[20] Подробнее см. там же. С. 96.

лишь, только. — *Е. К.*) добродѣтели вид и въздержание еже святый любляше. Въ сладости ядяше и краснейше Соломона одѣние ношаше, — еже цвѣтець и птиц притчю имяше, понеже видѣние мимоиде под луну сущимъ всѣмъ (перевод Г. М. Прохорова: «...потому что видимость всего сущего под луной преходяща...». — *Е. К.*), в торжествѣ же есть видѣниа житие се: иже на мори, но токмо иже и под облаком — то же и у житиа". Интересно, — пишет далее Е. Н. Кутькова, — что притча, которой утешается Василий в своей нетребовательности, становится оправданием и пышной жизни князя. Автор „Слова" лишь умело повернул ее, сделав главный упор не на Божием подавании всего необходимого человеку, не заботящемуся о хлебе и одежде (основной смысл притчи), но на прелести и недолговечности этих даров».[21]

Предоставляю читателю возможность сравнить тексты Послания и «Слова»:

РНБ, собр. Погодина № 27, Апостол, л. 13—13 об.

Посланье мужа мудра къ преподобну мужю, — именем Феофанъ, а емуже посла, имянуется Прохорос

Понеже видѣнья мимоиде подъ луну сущим всѣм, и въ торжство видѣнья есть житье, и иже на мори, не токмо, но еще иже к оболоком, — то же и у житья. Въ день же въ торжству — непоминанья злых. Но и глава въ торжьствѣ — память Божья. Память же Божья надвое раздѣляется: аще разумно — на похвалу, се ли согрѣшается от правосудства, — на хулу. Богъ бо не ять есть страстью; не токмо страстью, но хвалою. Человѣчскыи бо вещи яты суть обоим; сего ради хвалящим или хулящим или спасенье, или пагуба самѣмъ будет. Богъ бо не обьятъ есть. Того ради подобает, разумѣвъ добрѣ, хвалити, или, не разумѣвъ, молчати. Два бо пути есть разума: ли глаголати, или молчати правѣ. Мнози философи быша в миру, но двѣ главѣ быша философом: Платонъ и Пифагоръ. Овъ бо благоулучно повѣствовал, овъ же благословесно умолча.

Понеже преподобьство твое испроси у нашего худовъства слова, и мы припадаем къ Святому Духу, благодати прося — «слова во отверзенье устъ» наших, иже не вредит душю, но обаче веселит. Аще ли дасть Святый Духъ глаголати, якоже хощем, то дѣйство — не мое управленье, но твоя молитва.

Вѣмы бо ясно: се житье наше суетно есть — или мысли, или слово, или действо, — не токмо лѣва, но и мнимая права, развѣ расудом правым правая.

«Богъ любы есть», — якоже научихомся от божественых Писаний, а иже пребывает

РНБ, F.IV.603, «Новгородская Карамзинская летопись», л. 382, 390 об.—391

Слово о житьи и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича, царя Рускаго

...Инъ добродѣтели вид и въздержание, еже святый любляше: въ сладости ядяше и краснѣйши Соломона одѣние ношаше. Еже цвѣтець и птиць притчю имяше, понеже видѣние мимоиде под луну сущимъ всѣмъ. В торжествѣ же есть видѣниа житие се, — иже на мори, но токмо иже и под облакомъ, то же и у житиа. В день же тръжества — непомнение злыхъ. Но глава в торжествѣ — память Божиа. Память же Божиа надвое раздѣляется: аще разумно — на хвалу, се ли съгрѣшается от правосудства, — на хулу. Богъ бо не обьят есть страстию; не токмо страстию, но и хвалою. Человѣчьскыа же вещи обоимъ яты суть: хвалящимь ю и хулящимъ. Того ради подобает, разумѣвъ добрѣ, хвалити и, или, не разумѣв, молчати. Мнози бо философи быша в миру, но две главѣ бышя философомь: Платонъ и Пифагоръ. О в благословесно извѣствова, овъ же благоулучнѣ умлъче.

Понеже преподобство твое испроси у «нашего художства» слова, и мы припадаемь къ Святому Духу, благодати просящ е, — «слово *во* отвръзение устъ» наших, иже не вредить душя, но обаче веселит. Аще ли дасть Святый Духъ глаголати, якоже хощемъ, то дѣйство — не мое управление, но твоя молитва.

Вѣмы бо ясно: наше житие суетно есть — ли мысли, ли слово, ли дѣйство, — не токмо лѣвая, но и мнимая права, развее разсудомъ правымъ правое.

«Богъ бо любы есть», — якоже научихомся божественых Писаний, отколѣ познавается: правая — любы.

---

[21] Литературная цитата и литературные источники «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского». Дипломная работа студентки V курса Е. Н. Кутьковой. Научный руководитель — ст. преподаватель В. В. Семаков. Петрозаводск, 1992. С. 58—59. (Петрозаводский государственный университет. Филологический факультет. Кафедра русского языка).

вѣ любви и вѣ Бозѣ, пребывает и Бог в нем, отколе знается: правая — любы.
Аще досада бывает от возлюбленаго любящему, да терпит: «Аще любим любящая, — по Господьскому слову, — то и мытари и грѣшници творят», заемно дѣйство дѣющи. Мы же не заемною любовью любим тебе, но истинною.
Но житье строптивое мое, не дасть бесѣдовати с тобою, якоже хочется. Уподобихся сѣмени тому еуаггельскому, иже паде при межю тернья и подавися и не могль плода створити, токмо толко, колико слышал еси.
И сице о Господѣ здравьствуй.

Аще будеть, досаду от възлюбленнаго ны любящему ны да прѣтръпите: «Аще любимь любящаа ны, — по Господьскому слову, — мытари и грѣшници то же творят, заимное дѣйство дѣющи. Мы же не заимною любовию любимь тебе, но истинною.
Но житие мое строптиво есть, не дасть ми бесѣдовати с тобою, якоже хощется. Уподобихся сѣмени тому евангелскому, иже паде в тернии и подавися, и не могло плода сътворити, но токмо — колико слышал еси.
Сице о Господѣ здравствуй.
Богъ двойства не имѣт, душамъ имѣеть тройство ни едино, телесем приобщается, не текуща четверства, чювствиа внѣ пятства устремлениа сугубаго, не постражает шестьство, имѣет чество лучшу седмьство...

Первоначальные, по сравнению со «Словом», черты преобладают, возможно, в тексте Послания (в Погодинском Апостоле); здесь есть, например, целая фраза, связывающая совет «не разумѣвъ, молчати» с пассажем о Платоне и Пифагоре: «Два бо пути есть разума: ли глаголати, или молчати правѣ». Но первоначальные черты присутствуют, несомненно, и в «Слове о житьи...». Так, явной перестановкой объясняется выражение Послания о Платоне и Пифагоре, что один «благоулучно повѣствовал», а другой «благословесно умолча»; в «Слове» сказано правильно: «Овъ благословесно извѣствова, овъ же благоулучнѣ умлъче». Несомненно, правильней вариант «Слова»: «В день же тръжества...», — нежели Послания: «Въ день же въ торжству...».

Среди мелких различий между Письмом, содержащимся внутри «Слова» (согласно «Новгородской Карамзинской летописи»), и Посланием мудрого Феофана в Погодинском Апостоле есть разночтение «художство» — «худовъство»: «Преподобство твое испроси у „нашего художства“ слова» (Письмо в «Слове»), «...преподобьство твое испроси у нашего худовъства слова» (Послание). Чтение «худовъство» и близкие к нему «худобство», «худство», «худьство», «хуждьство» дают списки HIVЛ. Поскольку эта летопись по отношению к подборкам летописного материала в Карамзинском списке вторична, так как из них составлена,[22] а также потому, что слов «худовъство», «худобство» и «худство» не знает словарь древнерусского языка, я счел возможным допустить, что слово «художство», указывающее на сочетание знания и умения (в данном контексте — умения придать знанию подобающее словесное выражение), в тексте «Слова» по «Новгородской Карамзинской летописи» первоначально. В таком случае Послание в Погодинском Апостоле дает уже вторичное чтение, «осмысленное» переписчиком, как мне кажется, с оглядкой на этикет.

Написать о себе «преподобству» «наше художство» автор мог, я думаю, повторяя слова письма, на которое отвечал. По всей видимости, обращаясь с просьбой о «слове», «преподобство» употребило выражение «твое художство», а автор Письма лишь изменил второе лицо на первое (поэтому слова «наше художство» в тексте Письма я беру в кавычки).

---

[22] См.: Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F. IV. 603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165—198.

Два «понеже»

Заметим, что Послание мудрого Феофана преподобному Прохоросу в Погодинском Апостоле начинается словом «Понеже», а другое «Понеже» помещается в нем перед словами «преподобьство твое испроси...», т. е. перед началом определенного нами Письма. При этом то «понеже», которым начинается Послание, находится и имеет смысл в *середине* фразы и рассуждения «Слова о житьи...»: с его помощью поясняется, почему князь «въ сладости ядяше и краснѣйши Соломона одѣние ношаше, еже цвѣтець и птиць притчю имяше, *понеже* видѣние мимоиде под луну сущимъ всѣмъ» и т. д. В Послании же мудрого Феофана это начинающее его слово «Понеже» не служит объяснению чего-либо и представляется потому краем разорванной фразы другого текста (можно было бы начать печатать Послание отточием: «...понеже видѣнья мимоиде...»). Можно представить себе, что писец, делавший список Послания в Погодинский № 27 Апостол (или в его протограф), списывал его не с отдельного листа или «столбца», а извлекал откуда-то, неверно определил его начало и, начиная писать, разорвал фразу.

Быть может, зная, что Послание мудрого Феофана начинается около слова «понеже», вычленитель спутал одно «понеже» с другим и это находившееся в середине фразы «понеже» оторвал вместе с частью текста «Слова» и присоединил к Письму? В таком случае он извлекал его из «Слова о житьи и о преставлении» Дмитрия Донского.

Если мы проделаем ту же операцию и изымем из текста «Слова» текст, соответствующий Посланию, то увидим, что, в отличие от результата изъятия из «Слова» определенного мною Письма, края оставшегося на месте текста не срастутся, и единого связного повествования не получится: «въ сладости ядяше и краснѣйши Соломона одѣние ношаше, еже цвѣтець и птиць притчю имяше... (здесь находится текст, соответствущий Посланию. — *Г. П.*) ...Богъ двойства не имѣт, душамъ имѣть тройство ни едино...». В тексте образуется рваная рана, обрывки текста не соединятся, наделяя друг друга смыслом.

Но есть и иная возможность, — что кто-то, вычленявший текст Послания мудрого Феофана из «Слова», начал вычленять его оттуда правильно...

Иная возможность

Еще раз обратим внимание на то, что первая часть Послания, где речь идет о переменности жизни, памяти Божией, двух путях разума, Платоне и Пифагоре, резко отличается от второй, совпадающей с Письмом. Кроме того, первая часть хорошо, как мы видели, связывается со следующим за Письмом текстом «Слова». Письмо в свою очередь отличается от предшествующего и следующего за ним периодов насыщенностью цитатами и пересказами Священного Писания (см. Приложение 1, где эти случаи отмечены). Так что кажется, что окружающий Письмо текст и само Письмо написаны разными людьми или, во всяком случае, представляют собой разные произведения. Этот контраст заставляет думать о возможности иного соотношения «Слова» с эпистолярным произведением мудрого Феофана.

Мы говорили уже о стиле работы автора «Слова» с источниками, — что он делал и прямые заимствования оттуда, и парафразы их текста, и использовал какие-то их элементы для того, чтобы придать своему высказыванию в целом совершенно иной смысл, нежели в соответствующем месте

источника (мы это видели). Смело и по-разному пользуясь своими источниками, автор «Слова» всегда (за исключением, пожалуй, только случая с Письмом, почему я и думал и до сих пор допускаю, что оно попало в «Слово» случайно) *вращивал* заимствованное в свой текст; и вычленять его оттуда означало бы, как и если вычленять из «Слова» Послание, наносить тексту тяжелые травмы.

Если период, где говорится о переменчивости жизни, «необъятности» Бога, о невозможности для человека Его понять, о Платоне и Пифагоре, принадлежит мудрому Феофану, его письму к преподобному Прохорусу, то он искусно «врощен» автором «Слова» в его произведение. А поскольку текст, следующий за Письмом в «Слове», связан именно с речью о Пифагоре, то мудрому Феофану принадлежит в таком случае не только начало Послания, но также — минуя текст Письма — продолжение этого рассуждения о Пифагоре, отсутствующее в Погодинском Апостоле и присутствующее в «Слове». И тогда вклинившееся в Послание Письмо, скорее всего, не принадлежит мудрому Феофану: разорвав в «Слове» его текст, оно сбило с толку того, кто вычленял Послание Феофана из «Слова», и своим бросающимся в глаза окончанием («...о Господѣ здравствуй») заставило его оборвать выписку на этих словах.

Таким образом: либо начало Послания в Погодинском Апостоле не принадлежит мудрому Феофану, а его текст начинается лишь со слов «Преподобство твое испроси...», либо, напротив, к исходному тексту Послания Феофана к Прохорусу восходит не весь текст Послания из Погодинского Апостола, а только его начало, но зато также и следующий за Письмом период в «Слове о житьи и о преставлении...».

Как же влияет открытие Послания мудрого Феофана преподобному Прохорусу на представление о времени написания и авторстве «Слова о житьи и о преставлении великого князя...»?

Если Послание мудрого Феофана в Погодинском Апостоле зависит от «Слова», то очевидно, что «Слово» было создано не позднее времени написания Погодинского Апостола.

Что же касается автора «Слова», то напомню, что, если обнаруженное мною Письмо, маленькая эпистола в «Слове о житьи...», не является тем «словом», о котором «преподобство» попросило автора, то речь в ней идет, думал я и думаю до сих пор, возможно, о том самом «Слове о житьи и о преставлении великого князя...», в котором оно и заключено. Если так, то Письмо в «Слове о житьи...» и само это «Слово» написаны, вероятней всего, одним и тем же автором, а наиболее вероятный автор «Слова о житьи...», по моему убеждению, — Епифаний Премудрый.[23] Стало быть, Письмо обращено к заказчику «Слова о житьи и о преставлении...», и все мои рассуждения о возможной связи «Слова» и Письма и о Епифании Премудром как наиболее вероятном их авторе остаются в силе.

А если именно текст Письма принадлежит мудрому Феофану, то речь в нем идет, очевидно, не о «Слове о житьи...», и, стало быть, оно связано со «Словом» только, так сказать, «пространственно» — тем, что его текст включен в «Слово», но не тем, что оно на него указывает, и не общим автором.

Но если мудрому Феофану принадлежит на деле не Письмо, а окружающий его текст, то

---

[23] См.: Там же. С. 110—122.

Мудрый Феофан — не Феофан ли Грек?

Греческое окончание «ос» у имени корреспондента не обязательно означает, что он должен быть греком; скорее, прибавил его к его греческому по происхождению имени («Прохор*ос*») автор-грек: писанное по-русски, Послание обращено, очевидно, к русскому человеку по имени Прохор.

Если автор первой части Послания — грек, то легче объясняется вовсе не негативная тональность упоминания там эллинских, языческих философов Платона и Пифагора. В книжности Древней Руси обычно встречаемся с иным к ним отношением. Так, в Изборнике 1076 г. они противопоставляются Иосифу Прекрасному, который хотя и пил вино в Египте, но не повредил мудрости, — «воду пияше Пуфаагор, и Диогень, и Платонь» и, хоть и были они прославленными философами, настолько впали в грех тщеславия, «яко и Бога отврѣщися и поклонитися кумиромъ» (Л. 237 об.—238). В Постной Триоди философы противопоставляются апостолам: «Петръ вѣтуеть — и Платонъ умолче; учит Павелъ — Пифагоръ постыдѣся» (издание XVI в. Л. 192). Аввакум пишет о них как о пропащих гордецах: «Виждь, гордоусец и альманашник, твои Платон и Пифагор — тако их же, яко свиней, вши съели, и память их с шумом погибе — гордости их и уподобления ради к Богу».[24] А в Послании мудрого Феофана Платон и Пифагор упоминаются как представители двух «путей разума», методов мышления вообще и мышления о Боге в частности, чуть ли не двух методов христианского богословия: катафатического («утвердительного») и апофатического («отрицательного»).[25] Этот период выглядит в большей мере эллинско-, нежели русско-христианским.

Вспомним, что Погодинский № 27 Апостол, содержащий Послание мудрого Феофана, принадлежит тому самому времени (XIV или начало XV в.), когда на Руси работал знаменитый живописец Феофан Грек, связанный как раз с московской церковной и правительственной элитой. Из написанного в 1415 г. письма Епифания Премудрого мы знаем о в высшей степени почтительном отношении автора к греческому художнику: неоднократно посещавший его мастерскую и беседовавший с ним Епифаний пишет о нем как о прославленном мудреце, искусном философе, удивительно умном человеке: «преславный мудрокъ, зѣло философ хитръ», «упредивленный муж», «умом дальная и разумная обгадывавший».[26] Неизбежно следует допустить, что «мужем мудрым... именем Феофан», автором Послания, может быть Феофан Грек. В таком случае «художъство» в Письме, содержащемся в «Слове о житьи...», может быть указанием на профессию автора-живописца. Это не исключает того, что автор написал это слово, повторяя корреспондента.

Преподобный Прохорос — не Прохор ли из Городца?

Если упомянутый в заглавии занимающего нас Послания как его автор мудрый муж Феофан — это Феофан Грек, то адресатом Феофана мог быть его и Андрея Рублева сотрудник при росписи в 1408 г. Благовещенского собора в Московском Кремле Прохор с Городца — другой известный художник-иконописец того времени.

---

[24] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 138.

[25] Ср.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. С. 107.

[26] См.: ПЛДР: XIV—середина XV века. М., 1981. С. 444—446.

Вероятность увеличивает вероятность

Вероятность того, что автором Послания, или какой-то его части, является «преславный мудрок» Феофан Грек, увеличивает вероятность того, что «Слово о житьи» Дмитрия Донского создал именно Епифаний Премудрый. Из письма Епифания Кириллу Тверскому мы ведь знаем, что Феофан Грек по его просьбе написал для него кистью «храмовидное изображение по образу сущия церкви во Царѣграде и вдаде ми, — пишет Епифаний Премудрый. — От того листа нужда бысть и прочиим иконописцем московскимъ, яко мнози бяху у когождо приписующе себѣ, друг пред другом ретующе и от друга приемлюще»; неоднократно, четыре раза, срисовал рисунок Феофана в свою книгу и Епифаний.[27] И если бы кто-то, срисовывая затем его рисунок как нарисованный знаменитым Феофаном Гречином «образ сущия церкви во Царѣграде», срисовал его не полностью или срисовал при этом что-то соседствовавшее с копией, принадлежащее самому Епифанию, то получилось бы в принципе именно то, что, похоже, представляет нам список Послания мудрого Феофана в Погодинском № 27 Апостоле.

Рассуждения эти имеют силу, разумеется, только в том случае, если Послание мудрого Феофана в Погодинском Апостоле *не* написано рукой самого Епифания Премудрого. Ведь если это — его автограф, то тогда, как ни кажется нам это странным, все Послание мудрого Феофана придется считать одним из источников «Слова» о Дмитрии Донском. Но и в этом случае останется загадкой, почему автор «Слова», кто бы он ни был, текст, следующий за периодом, основанным на Послании, связал не с его окончанием, а с его серединой. Однако же это очень маловероятно: насколько мы можем судить, почерк, каким написано Послание Феофана, отличен и от почерка мелких приписок некоего Епифания в Стихираре 1380 г. (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 22, л. 1, 19, 21, 23 об., 31, 40, 48, 96, 98) (с этими приписками более сходствует основное письмо Погодинского Апостола), и от почерка, несомненно, другого Епифания, участвовавшего в написании Сборника Житий РГБ, собр. Троице-Сергиевской лавры, № 34. Хотя, конечно же, это почерки одного типа.

Заключение

Итак, состав текста Послания мудрого Феофана в Погодинском № 27 Апостоле свидетельствует о том, что оно, по всей вероятности, вырезано из «Слова о житьи и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго». Мелкие отличия Послания от соответствующего текста «Слова» иногда говорят, кажется, о первоначальности, но иногда и о вторичности текста Послания. Мы сейчас не можем с уверенностью объяснить их происхождение.

Упомянутый в заглавии Послания мудрый муж Феофан и преподобный Прохорос, вполне вероятно, суть Феофан Грек и Прохор с Городца. Что же касается автора «Слова», то я продолжаю видеть в нем, как и в авторе случайно попавшего в «Слово» Письма, Епифания Премудрого.

---

[27] Там же. С. 446.

Если Письмо написано Епифанием Премудрым, то предшествующий ему текст, где речь идет о Платоне, Пифагоре и отличии Бога от человека, должен восходить к посланию Феофана к Прохоросу, и в таком случае к нему же должен восходить и текст, следующий за Письмом в «Слове».

* * *

Ниже вниманию читателей и исследователей древнерусской литературы предлагаются «посторонние статьи» Погодинского № 27 Апостола, московской рукописи, связанной с кругом митрополита Алексея, современной Епифанию Премудрому, Феофану Греку и Прохору из Городца, — пять доселе неизвестных древнерусских текстов: четыре послания и одна молитва Святой Троице.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

Посланье мужа мудра къ преподобну мужю, — именем Феофанъ, а емуже посла, имянуется Прохорос

Понеже видѣнья мимоиде подъ луну сущим всѣм, и въ торжство видѣнья е*сть* житье, и иже на мори, не токмо, но еще иже к оболоком, — то же и у житья. Въ д*е*нь // же въ торжству — непоминанья злых. Но и глава *л. 13 об.* въ торжьствѣ — память Божья. Память же Божья надвое раздѣляется: аще разумно — на похвалу, се ли согрѣшается от правосудства, — на хулу. Б*о*гъ бо не ятъ е*сть* стр*а*стью; не токмо страстью, но хвалою. Человѣчскыи бо вещи яты суть обоим; сего ради хвалящим или хулящим или спасенье, или пагуба самѣмъ будет. Богъ бо не обьятъ есть. Того ради подобает, разумѣвъ добрѣ, хвалити, или, не разумѣвъ, молчати.

Два бо пути есть разума: ли глаголати, или молчати правѣ. Мнози философи быша в миру, но двѣ главѣ быша философом: Платонъ и Пифагоръ. Овъ бо благоулучно повѣствовал, овъ же благословесно умолча.

Понеже преподобьство твое испроси у нашего худовъства слова, и мы припадаем къ Святому Духу, благодати прося — «слова во отверзенье устъ» (*Еф. 6, 19*) наших, иже не вредит душю, но обаче веселит. Аще ли да*сть* Святый Духъ глаголати, якоже хощем, то дѣйство — не мое управленье, но твоя молитва.

Вѣмы бо ясно: се житье наше суетно есть — или мысли, или слово, или дѣйство, — не токмо лѣва, но и мнимая права, развѣ расудом правым правая.

«Богъ любы есть» (*1 Ин. 4, 8*), якоже научихомся от божественых Писаний. А иже пребывает въ любви, въ Бозѣ прѣбывает, и Богъ в нем (*ср. Ин. 14, 9—10*), отколѣ знается: правая — любы.

Аще досада бывает от възлюбленаго любящему, да терпит: «Аще любим любящая, — по Господьскому слову, — то и мытари и грѣшници творят» (*ср. Мф. 5, 46; Лк. 6, 32—34*), — заемно дѣйство дѣющи. Мы же не заемною любовью любим тебе, но истинною.

Но житье стропотливое мое, не да*сть* бесѣдовати с тобою, якоже хочется. Уподобихся сѣмяни тому еуаг*г*ельскому, иже паде при межю тернья

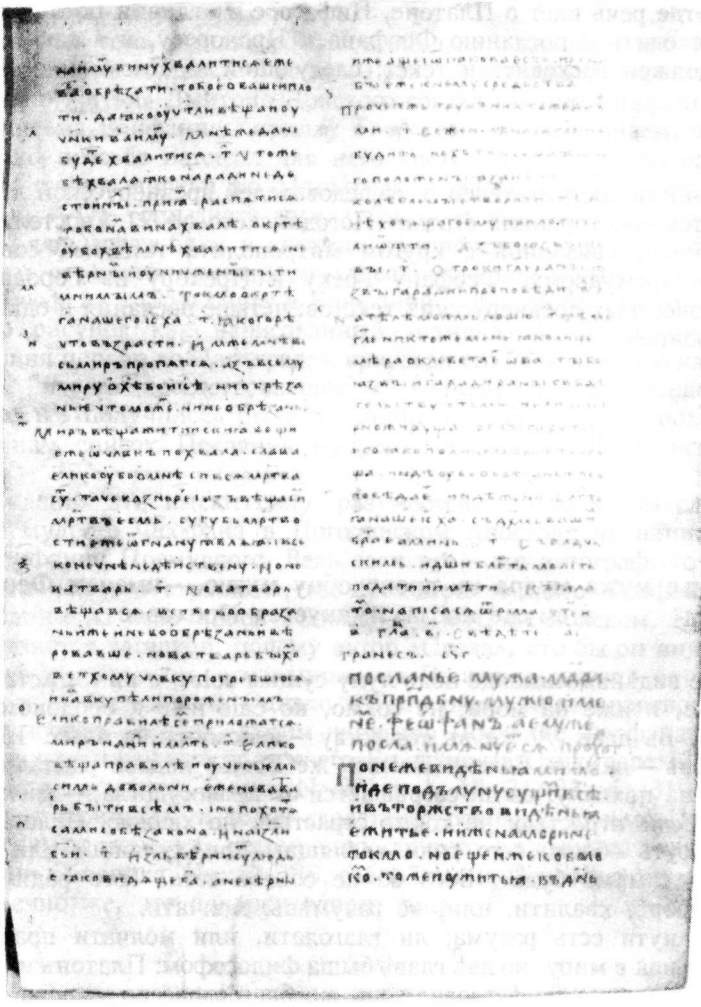

Рис. 1. РНБ, собр. Погодина, № 27, л. 13. Начало «Посланья мужа мудра...».

и подався (*ср. Лк. 8, 7*), и не моглъ плода створити, токмо толко, колико слышал еси.

И сице о Господѣ здравьствуй.

2

Всечестнѣйший о Святемь Дусѣ взлюбленый господине имярек! Многогрѣшный имярек челом бьет: благодать буди и миръ от Бога твоей святыни, — наше убо и смиренье и пращает и волю дает твоему боголюбью.

Цѣло имѣй мудрованье православным догматом и почитай благочестно матере твоя церковь, яже о Святѣмь Дусѣ тя вздои, Исус Христомь о Бозѣ
л. 14 мною на главу твою вѣнець взложи. Аще бо // плотьския твоя родителя долженъ еси стыдѣтися и почитати, и множае паче еже о Дусѣ Божьи тя

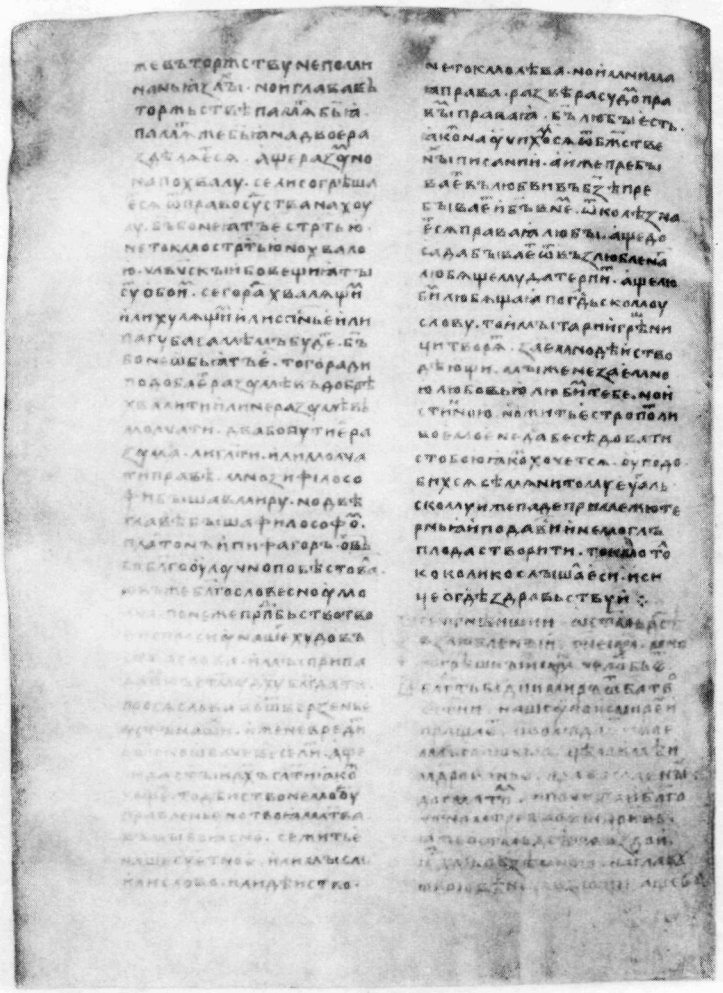

Рис. 2. РНБ, собр. Погодина, № 27, л. 13 об. Окончание «Посланья мужа мудра...» и начало второго послания.

родивших предпочитати: они убо временный животъ чадом дают, сия же вѣчный животъ пороженья ради ходатайствуют.

Почти убо Церковь, яко да почтенъ будеши от Бога. Священники почтилъ е *(!)* еси, отче пречестнѣйший, господине имярек, яко отца духовныя и ходатая нам к Богу. Честь бо священьничьская на Бога всходить. Якоже бо тебе ради твоя слуги почитати праведно есть, тако и ради Бога священники есть почитати праведно: якоже яже на них честь на Бога преходит, тако и еже на них бесчестье множае паче Бога прогнѣвает.

Да милосердьем Пречистыя Богоматере да и твоими святыми молитвами архимандрит, господинъ имярек, добръ до нас вельми. Державною ти рукою въсхити мя от врага душегубнаго, Слове, и на божественную лѣствицю направи, да, встек тѣми степенми, вѣнець сий прииму съ праведными достоинъ.

Аще бес-престани на своя враги бесѣдуеши ко царю, егда к тебѣ придут, уповай (?) не трудишися: ти бо сами о собѣ вскорѣ тебе отступят. Не бо

Рис. 3. РНБ, собр. Погодина, № 27, л. 14.
Продолжение второго и третье послание.

хотят неподобнии видѣти тебе вѣнець приемлюща. Тя молитвою от рати еже к тѣм, к сим же, яко от огня, бьеми от молитвы, отбѣгнут. От крѣпости приобрящеши всю: имаши учителя Бога въ молитвѣ твоей. Нѣсть еже вѣдѣти словом выкнути. Ес*тес*тва бо вслѣдует ни молитвеныя доброты инѣмь ученьем. Та бо в себѣ Бога учителя имат, учащаго человѣка вѣдѣнью и дающаго молитву молящемуся и благословяща еще правѣднаго.

Любы — пророчеству податница, любы — просвѣщенье без дна, любы — источник огнен: еликоже вскипит, толико жажущаго запалит. Любы — ангельское стоянье, любы — поспѣх вѣком.

Повѣж нам, о добрый в доброизволных, господине имярек, гдѣ пасеши овца своя, гдѣ превитаеши в полуднину. Просвѣти нас, напои нас, доведи нас. Елма убо...

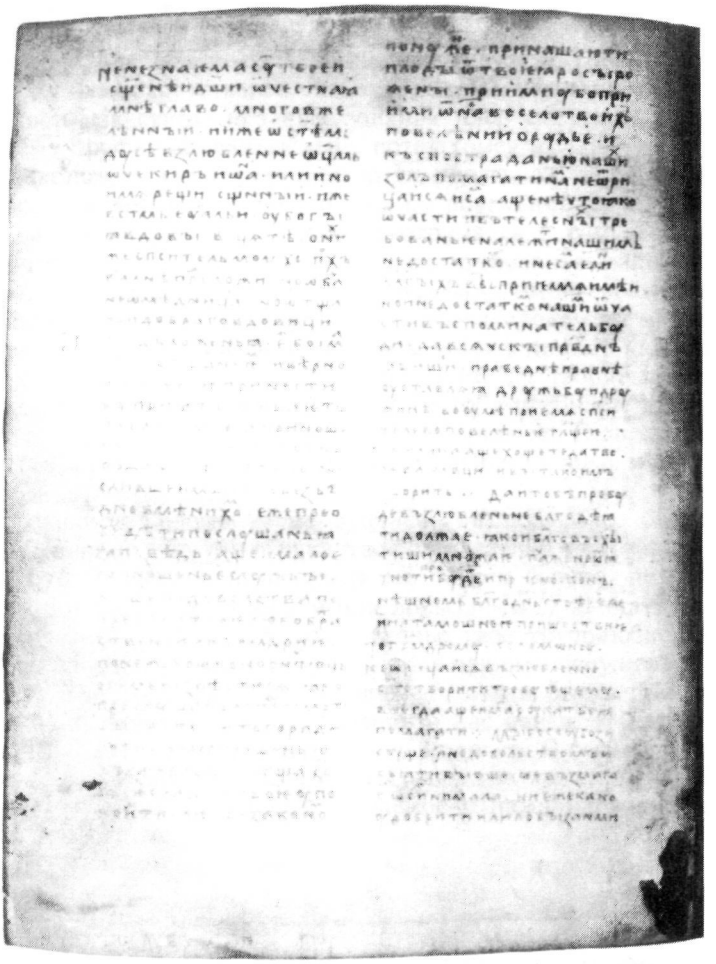

Рис. 4. РНБ, собр. Погодина, № 27, л. 109 об. Начало четвертого послания.

3

Всечестнѣйшему господину и отцу моему имярек.

О Святемь Дусѣ взлюбленый киръ имярек!

Наше убо смиренье пращает и волю дает твоему боголюбью. Благодать буди и миръ от Бога твоей святыни.

Смиренье мое судбами иже вѣсть Богъ (*над строкой:* взити) к тебе хощет. Ты бо обладаеши всѣми. Ныне же ми душю запали, и не могу держати пламени твоего. Тѣмже похвалити тя гряду. Се же, яко с небеси ми явившис*я*, царица сил в*о*здуха (?) моя душю (?) приближающися (?)... не отрѣшиш*ися*.

О, любовниче дебельства (?)! Моего ч*а*са, якоже есть, навыкнути не момеша (?). Лѣствица же доброизволеная да ти скажет духовная сложенья.

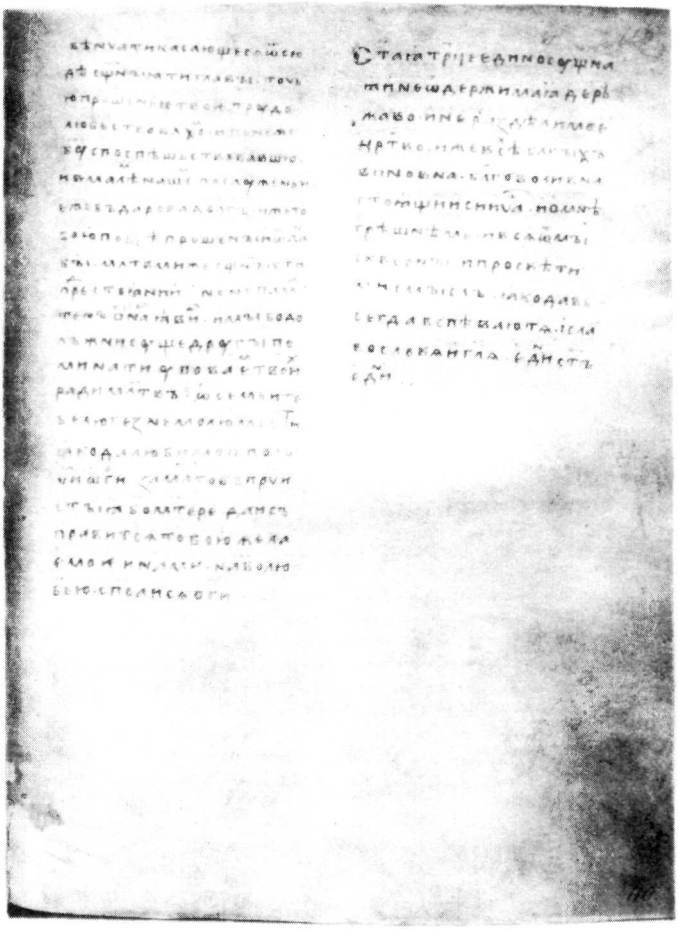

Рис. 5. РНБ, собр. Погодина, № 27, л. 110. Окончание четвертого послания и молитва.

На том же а *(?) (над строкой, кажется:* умомь) сам утверженъ есмь версѣ. Якоже мой великий таибник рече: благодать Божия и миръ да будет с твоим преподобьством, молитва моя и благословенье.

Емуже благодать, Сдѣявшему вся и Дѣющему в наше спасенье, в вѣки аминь.

4

Не незнаема суть твоей священѣй души, о честная мнѣ главо, многовжелѣнный и иже о Святѣмь Дусѣ взлюбленне отцемь отче киръ Иоан (*«н» надстрочное*), или ино имя рещи, священный, иже в святѣмь Еуаггельи убогыя вдовы 2 цятѣ, о нихже Спаситель моли *(! Должно быть, по-видимому,* мой*)* Христос похъвалнѣ предложи. Но обаче не о мѣдницах, но о тщаньи добраго вдовици предъложенья, — еже бо и малое со тщаньем и вѣрною

любовью принести, Богу приятно бываеть паче богатых многаго приношенья, иже не велелюбно подают.

Сия же помысливше и мы, и не безбѣдно вмѣнихом еже преобидѣти послушанья заповѣдь, аще и малое приношенье службы. Нашего недоволства потребова твое любобратственое любомудрие. Понеже бо от богоносных отець о семь и извѣстися, яко преслушанья плод смерть бываеть, и того ради по твоему прошенью, възлюблене, потщахомся желанье твое упокоити.

Любве законом понужен, принашаю ти плоды, от твоея росы рожены. Приими убо, приими от нас весело твоихъ повелѣний орудье. И къ спострадању наших золъ помагати нам не отрицайся и сам.

Аще нѣчто яко отчасти и въ телесных требованье належит нашимъ недостатком, и не сам един благыхъ въсприемля имѣй, но и недостатком нашим отчасти въспоминатель буди, да всячскы праведенъ явишися, праведнѣ и равнѣ уставляя дружьбу и дружинѣ, во умѣ приемя *(!)* Спасителево повелѣнье, глаголющее: «Вся, елика аще хощете да творят вам человѣци, и вы такоже имъ творите» (*Мф. 7, 12*). Да и тобѣ пребудет, възлюбленьне, благодѣяти должае, яко и благо въсхытиши множае. Паче же неотъятно ти пребудет и присно, по нынѣшнемь благоденьствѣ еже и на тамошнее пришествие.

По премудрому Соломону, не отцайся, възлюбленне, благо творити требующему, внегда аще имат рука твоя помагати.

Мы бо соубози суще и недовольствомъ обьяти бывше, не възмагаем о сих ни мала, ни еже како удобрити или лобызанми // вѣнчати, касающеся *л. 110* отсюдѣ священыя ти главы. Точью прошенье твое трудолюбьствовахом. И понеже, Богу споспѣшьствовавшю и в малѣм нашем послуженьи, еже Богъ дарова долгъ, иже тобою по Бозѣ прошеный, отдан бысть. Молитвами же священных ти предстояний не непамятенъ о нас явися. И мы бо долъжни суще другы поминати. Уповаем твоих ради молитвъ. О семь и тебе любезне молю молити, яко да любимое получим о Господи за молитовъ *(!)* Пречистыя Богоматере. Да исъправится тобою желаемое и нами на волю Божью.

Спасайся о Господи.

5

Святая Троице единосущная, и неодержимая деръжаво, и нераздѣлимое царство, иже всѣх благыхъ виновна! Благоволи в настоящий сий час и о мнѣ грѣшнѣмь, и вся отмый скверны, и просвѣти ми смыслъ, яко да вьсегда вспѣваю Тя, и славословя, и глаголя: «Един святъ, един...».

лет (после 1511 г.) — столкновение Иосифа с архиепископом Серапионом, переход его монастыря под патронат Василия III. Рассмотрение вопроса о пространной редакции «Книги на еретиков» выходит за пределы данной статьи.

волоколамском списке ГИМ, Епарх. № 339: «Список Иосифов» и весьма важные изменения (удаление 12-го «слова» и примыкающего к нему текста), внесенные в этот и близкий к нему список Епарх. 340 и учтенные в последующей редакции, дают, во всяком случае, основание для предположения о таком участии.